

Е. В. Остапова
Сыктывкар

**«Калевала» в коми литературе:
интертекстуальность и переводы**

Данная работа ставит целью актуализировать несколько значимых, но недостаточно изученных фактов в истории коми литературы, связанных с «Калевалой», и внести посильную лепту в исполнение замысла Э. Карху: «... когда-нибудь будет написано фундаментальное исследование под заглавием типа „Калевала и мировая культура“, где займут подобающее место и история переводов, и отклики на них в соответствующих странах, и вопросы влияния „Калевалы“ на культуры их народов» [Карху 1984: 109].

В коми литературоведении время от времени поднимался вопрос о воздействии карело-финского эпоса на коми литературу и культуру в целом. Попытка наиболее целостного видения данного вопроса изложена в работах В. Н. Демина [Демин 1985, 1995]. В то же время в виде упоминаний ссылки на «Калевалу» встречаются в трудах К. Ф. Жакова, П. Г. Доронина, А. К. Микушева, В. А. Латышевой, О. В. Ведерниковой. Мы не исключаем возможности существования также неопубликованных архивных материалов поэтов, писателей, литературоведов, доступ к которым на сегодняшний день по тем или иным причинам ограничен. Не претендуя на всеохватность заявленной проблемы (поскольку она требует особого, scrupulous изучения), мы попытаемся еще раз восстановить временную цепочку литературных ссылок на «Калевалу» и с некоторыми комментариями проследить путь интертекстуализации карело-финского литературного эпоса и его перевода на коми язык.

1916 г. — создание поэмы К. Ф. Жакова «Биармия», нашедшей своего читателя в конце XX в. и прочно укрепившей за собой представление как о «коми „Калевале“»¹. Произведение стало одним из

¹ Так прозрачно и однозначно названа статья одного из основоположников коми фольклористики и литературоведения А. К. Микушева в предисловии к изданию поэмы 1993 г., ссылаясь на высказывание самого К. Жакова об огромном желании создания такового произведения. Поэма написана на русском языке. В отношении данного произведения параллельно с жанром поэмы исследователями нередко используется термин «литературный эпос».

наиболее цитируемых, лидирующих по частотности в трудах исследователей коми литературы. Однако если в исследованиях 1980–1990-х гг. (А. К. Микушева, В. Н. Демина, А. Е. Ванеева, В. А. Латышевой), влияние карело-финского эпоса на сюжетно-образный уровень произведения К. Ф. Жакова не подвергается сомнению, то в самой последней публикации исследователя О. В. Ведерниковой внимание обращается на различия в коммуникативно-творческой установке создателей данных произведений: «Обусловлено ли определенное сходство „Биармии“ и „Калевалы“ литературным влиянием, имело ли стимулирующее влияние создание Э. Леннрота на творчество К. Жакова?» [Ведерникова 2008: 99].

1922 г. – перевод отрывка их 41 руны «Вяйнямейненлön кантелеён ворсём» / «Игра Вяйнямейнена на кантеле» / В. И. Лыткиным².

1923 г. – публикация данного поэтического произведения в книге для чтения «Виль туйёд» / «По новому пути» /, 1929 г. – включение в первый поэтический сборник поэта.

1924 г. – публикация отрывка из прозы финского писателя Юхани Ахо и двух стихотворных фрагментов: «Руна лоём йылысь» / «О рождении руны»/, впоследствии названном «Поэзия артмём» / «Рождение поэзии»/ и «Кантеле лоём йылысь» / «О происхождении кантеле»/ под заголовком «Из финской поэзии» в журнале «Коми му» / «Зырянский край». Автор – учитель родного языка сельской школы и талантливый поэт В. Т. Чисталев³.

Судьба данных произведений в истории коми литературы различна. Перевод прозы, стихотворения «Кантеле лоём йылысь» и «Вяйнямейненлön кантелеён ворсём», хотя и сыграли свою роль в обогащении поэзии коми новыми мотивами, остались за пределами широкого круга чтения. Стихотворение «Поэзия артмём», по справедливому замечанию В. Н. Демина, «является одним из шедевров коми лирики, включается в ее антологии, изучается в школах» [Демин 1995: 15]⁴. Думается, в данной работе целесообразно привести наиболее значимые ее характеристики.

В тихом элегическом разговоре с самим собой поэт говорит о неразрывной связи с родной землей:

² Поэт Илля Вась, ставший впоследствии известнейшим финно-угроведом.

³ Псевдоним – Тима Вень.

⁴ Кроме того, оно стало любимой и довольно популярной песней в исполнении народной артистки РК Л. Логиновой (музыку написала Л. Чувьюрова).

Ог төд, кодї менө чужтїс,
Кодї быдтїс, вердїс-удїс,
Съывны-мойдны йöзö лэдзлїс...

Гашкö, лöзов чöд тусь пиын
Быдми меöй вөр туй дорын,
Да öктїс кудьяс ветлысь-мунысь.

Гашкö, вөр ты пыдöс ваыс
Вöлі меным потан пыдди,
Чöж-пöткаыс öввя съывлїс.

Гашкö, вялі ляня вöрыс...
Меным висьтьяс йöлöгая
Тялысь югөр чукöрталїс.

Не знаю, кто меня родил,
Кто взрастил, кормил-поил,
Петь-сказывать в люди отпустил...

Может, в синей ягоде черники
Рос я у лесной дороги,
И подобрал меня прохожий.

Может, вода на дне лесного озера
Была мне вместо колыбели,
Мать-птица колыбельную пела.

Может, был тихий лес...
Мне рассказы эхом
Луч луны насобирал⁵.

Здесь многоточия-паузы, полувопросы-отрицания (ог төд, кодї); синонимические повторы-полуответы (ветлысь-мунысь, чöж-пöткаыс); единоначатия-сомнения (гашкö...); ‘тихая’ метафоричность (чöж-пöткаыс съывлїс, тöлысь югөр чукöрталїс) создают чуткий ритм мира полутонов. Это мир, чуждый яркости, внешней красоты, приукрашенности, он прекрасен неброской естественностью, северной суровой нежностью.

⁵ Цит. по: Тима Вень (Чисталев В. Т.). Менам гора тулыс. Кывбура да проза гижöдьяс / Лöсьöдїс Г. И. Торлопов / Моя звонкая весна. Стихотворные и прозаические произведения. Составил Г. И. Торлопов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. Здесь и далее перевод наш.

В этом стихотворении вновь варьируются представления о поэте как о части природы, о поэзии, как о сотворенном ею чуде. Все уровни космоса одинаково одухотворены и причастны к великой тайне рождения музыки. В структуре произведения это отражено и в строфических ритмах расширяющегося мира образов – полутонов: синеватая ягода черники – лесная дорога, дно лесного озера – птицы, тихий лес – эхо – луч луны. Размеренно-задумчивая разговорная интонация, подкрепленная восьмисложным хореем, словно уравнивает все разноуровневые образы. Мелодия гласных звучит тихой, мягкой колыбельной. Возможно, разгадка особой красоты стихотворения кроется в «совпадении ритмов человеческой и природной жизнедеятельности», связанной «с сохранением, но не преобразованием мира» [Лимерова 1995: 8, 1998: 81].

Через 60 лет, в 1980 и 1984 гг. – беспрецедентное по смелости начало изданий глав перевода на коми язык без языка-посредника произведения Э. Леннрота, предпринятое ученым финно-угроведом А. И. Туркиным. Переводы опубликованы в журнале «Войвыв кодзув» / «Северная звезда» и газете «Югьд туй» / «Светлый путь». Переведены 10, 40, 41 руны, повествующие об изготовлении Сампо, кантеле и игре на кантеле. Далее, в 1999 и 2000 гг., уже после смерти ученого и переводчика, в журнале «Войвыв кодзув» на коми языке издана более полная, но далеко не завершенная версия «Калевалы». По признанию самого А. И. Туркина, он хорошо понимал всю трудность начатого дела. Будучи студентом Ленинградского университета, ему посчастливилось прослушать специальный полный курс, посвященный данному эпосу, а также дополнительные лекции, как он сам пишет, «больших специалистов»⁶. «Тогда и зародилась мысль о переводе произведения, ведь многое в природе и образе мыслей, языке сближает финнов и коми» [Туркин 1985: 9]. Переводчик делится и сомнениями: «Калевала» написана на древнем финском языке, своеобразным размером, который не совсем подходит коми языку, хотя и он тяготеет к первоударности; нельзя полностью отразить рифму, аллитерацию, повторы, гиперболизацию. Сомнения коми ученого вполне обоснованны и перекликаются с мыслями карельского ученого Э. Карху: «Применительно к переводам „Калевалы“ на любой язык и с любыми практическими

⁶ К сожалению, автор не называет их имен.

⁷ Возможно, в данном вопросе А. И. Туркин опирается в том числе и на работы Э. Карху.

целями важно с самого начала <...> учитывать два общих исходных момента: во-первых, это поэзия и, во-вторых, это архаическая поэзия. То и другое имеет свои последствия. <...> В древности эпическая лексика могла иметь иные значения, чем те же слова в современных словарях» [Карху 1984: 112–113]⁸. А. И. Туркин находит выход, по примеру своего учителя В. И. Лыткина, в обращении к древнепермскому пласту лексики и диалектам коми языка, фольклорным образам и фразеологии, близкой к финно-угорским языкам. Начатый выдающийся, но, к сожалению, незавершенный труд А. И. Туркина имеет несколько положительных, хотя и весьма кратких, откликов исследователей литературы. Так, В. Н. Демин оценивает перевод как «одно из заметных событий в литературной жизни Коми республики» [Демин 1995: 17]. В. А. Латышева, сопоставляя текст отрывков «Калевалы» на коми языке с текстом на русском языке⁹, отмечает особенности поэтики: «Аддзам, мый коми олёмьсь, кывйысь постояннойй эпитетъяс, идиома нога шуёмъяс, мича определенияс, йёзкодялысь метафораяс, коми мортлён синмён казялём виччысьтём шёйёвоштысь рёмъяс аддзё „Калевала“ вуджодысь да вёчө сійёс „комиён“» / «Включая постоянные эпитеты, идиоматические выражения, красивые определения, метафоры-олицетворения, свойственные жизни и языку коми, видя необычные, неожиданные цвета глазами коми человека, переводчик „Калевалы“ превращает это произведение в „коми“» [Латышева 2006: 17]. Приведенный выше фактический художественный материал – явный, открыто заявленный авторами о первоисточнике. Между тем, весьма любопытны примеры имплицитного отражения калевальских мотивов в современной поэзии коми. Как пишет П. Домокош, «речь идет о влиянии, присутствующем несколько десятилетий и чувствующемся, проявляющемся и в настоящее время. И это существенный вопрос не только с точки зрения финно-угроведения, но и с точки зрения формирования национального

⁸ Весьма красноречиво пишет об этом П. Домокош: «Одному из моих любимых коллег-финнов когда-то я восторженно сказал: „Замечательное и вдохновляющее чувство, что в доме каждой финской семьи имеется хотя бы две книги, *Библия* и *Калевала*“. На что он: „Да, да. Только не читают их. <...> Их язык очень трудный для финнов. Легко вам, венграм, вы можете читать в прекрасных переводах на современном венгерском языке. Разве могли бы вы читать текст „Древнего плача Мири“ на диалекте чанго, в 22 тысячах строках?“» [Домокош 2003: 83].

⁹ Автор не указывает русский источник, но можно предположить, что использован наиболее популярный и известный перевод Л. Бельского.

сознания и теории литературы» [Домокош 2003: 80]. Словно в подтверждение слов авторитетнейшего ученого, с более или менее доказуемостью пишет о подобном влиянии В. Н. Демин: «Без преувеличения можно сказать, что история становления и развития коми литературы – это история укрепления связей с выдающимся памятником словесного искусства „Калевалой“». Автор указывает на близость мыслей и мотивов стихотворений основоположника коми литературы И. А. Куратова (1839–1875 гг.), посвященных теме поэта и поэзии, с первой и 50-й песнями «Калевалы», предполагая «скрытую ориентацию И. Куратова на недавно появившийся карело-финский эпос» [Демин 1995: 11]. Впрочем, данное предположение ничем не закреплено, в то же время оно имеет право на существование и требует более подробного рассмотрения.

В 1994 г. издан второй и на сегодняшний день последний сборник трагически ушедшего из жизни в 2007 г. коми поэта Александра Лужикова «Енэжшёрса ордым» / «Небесный путь»¹⁰. Читая его поэзию, невольно вспоминается калевальская интонация. Восьмисложным хореическим размером ведется речь о трагических, иной раз постыдных, явлениях из истории народа: трусость, предательство, изгнание, потеря веры и ее обретение. Примечательно в этом плане стихотворение «Шуём кывным муё усьё» / «Сказанное слово на землю упадет»:

Шуём кывным муё усьё.	Сказанное слово на землю упадет.
Сэсса рудзёг петас мусьыс.	Затем оно рожью прорастет.
Сэсса воём бёрас сійёс	Как поспеет, ее
Изас коми мортлён кыыс ¹¹ .	Смолотит рука коми человека.

В произведении, неторопливо повествуя, утверждается мысль о животворящем и объединяющем начале родного слова: сказанное слово на землю упадет, прорастет, руки коми человека его смолотят, затем пожилая коми женщина замесит тесто, испечет ржаной хлеб, положит в красный угол и на середину стола, помянет всех предков, позовет в гости весь честной народ; может быть, здесь найдут приют герои преданий коми, богатыри и демиурги, без вины виноватые, отверженные – всем найдется место; пусть сказан-

¹⁰ Лужиков А. Енэжшёрса ордым Кывбурьяс / Небесный путь. Стихотворения. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994. 128 с.

¹¹ Приведено первое четверостишие, стихотворение состоит из 11 строф.

ное слово и через века попадает в руки коми человеку. Образность, ритмико-интонационные особенности сборника стихов А. Лужикова актуализируют в памяти поэзию В. Чисталева, в творчестве которого калевальские импульсы сыграли счастливую роль. Подобное явление можно оценить как «цикличность и обратимость поэтических единиц внутри поэтического языка как целостной системы, обладающей поэтической памятью» [Фатеева 2000: 266]. «Следы ранее прочитанного»¹², хранящиеся в глубинах памяти читателя, в пограничные эпохи начинают переосмысливаться в литературе и литературоведении, образуя круг интертекстуальности, в немалой степени способствующий сохранению и, возможно, возрождению истинно национальных черт литературы.

Литература

Арнольд 1993 – Арнольд И. В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте. Межвуз. сб. научных трудов. СПб., 1993.

Ведерникова 2008 – Ведерникова О. В. «Калевала» и «Биармия»: сопоставительный аспект // Тайё сьылём – коми олём. Коми литературалы подув подув пуктысьяс йылысь уджъяс / В этой песне – коми жизнь. Сб. трудов об основоположниках коми литературы. Сыктывкар: ООО «Изд-во Кола», 2008. С. 92–99.

Демин 1985 – Демин В. Н. «Калевала» да коми поэзия // Войвыв кодзув / Северная звезда. 1985. № 1. С. 39–43.

Демин 1995 – Демин В. Н. «Калевала» и коми литература // На небе звезда.: введение в теорию и историю коми поэзии. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. С. 10–17.

Домокош 2003 – Домокош П. «Калевала» у нас и у наших родственников по языку // Арт. 2003. № 1. С. 78–83.

Карху 1984 – Карху Э. «Калевала» на языках народов мира // Север. 1984. № 1. С. 109–118.

Латышева 2006 – Латышева В. А. А. И. Туркин – финн эпос «Калевала»-лысь юкõньяс комиодысь / А. И. Туркин – переводчик отрывков финского эпоса «Калевала» // Вопросы коми филологии: Сб. научных статей / Отв. ред. М. С. Федина. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2006. Вып. 2. С. 14–17.

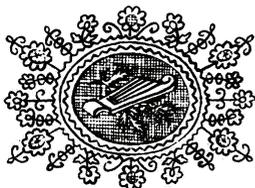
Лимерова 1995 – Лимерова В. А. Гармония космоса в стихотворениях В. Т. Чисталева // Матер. науч. трудов финно-угорского факультета. Февр. чтения. 8–14 февраля 1995 г. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1995. С. 7–10.

Лимерова 1998 – Лимерова В. А. Мифоритуальный сценарий судьбы героя в рассказе В. Чисталева «Трипан Вась» // Арт. 1998. № 1. С. 77–82.

¹² Термин по: [Арнольд 1993: 9].

Туркин 1985 – Туркин А. И. «Калевалалы» – 150 во // Войвыв кодзув / Северная звезда. 1985. № 7. С. 8–10.

Фатеева 2000 – Фатеева. Контрапункт интертекстуальности или Интер-текст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.

Bui Viet Hoa
Finland

**Study of the birth of the Kalevala
and the creation of the vietnamese epic**

By the last decades of the twentieth century, based on the way of creation and preservation of epics, the world's comparative studied branch of epic has brought in use of a new term: *A tradition-oriented epic*, in accordance with commonly use terms: *oral epic* (folk epic) and *literary epic* (scholarly epic). A tradition-oriented epic is a literature work which is classified between literary and oral literature, since this type of epics is created from oral poetry material but it has a stable written form.

«The place of birth and the form in which *the oral epic* exists is the living song, the epic discourse proceeding according to the rules of tradition stored in the memory and language. It has no fixed, permanent form. During its lifetime it is unwritten literature. *Literary epic* exists as a text that is created once by a poet and cannot thereafter be touched. *Tradition-oriented epics* exist somewhere in between written and unwritten literature, since they draw on material from the oral tradition but have acquired a fixed literary form.

The difference between oral and a tradition-oriented epic is the editing process involving the givers, takers and moulders of the material. We may, in a broader sense, speak of the textualisation of epic. As a result of this, epic that is liberally varied in the oral tradition is in a way frozen as a text which the editor and publisher consider representative and that places it among world epic literature. Whether the published product is regarded as oral or tradition-oriented depends on how it was edited, and above all on whether or not the final text keeps faithfully to the original oral discourse. Since oral epic is difficult to edit as a book, and since this easily involves objectives that